
Сергей
Гончаров

Билет в никуда

Ад бывает разный

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Гончаров

Билет в никуда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42163223

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10528-7

Аннотация

Страх. Он приобретает причудливые формы. Ломает границы миров. Рушит жизни. Убивает. Шестеро незнакомцев объединены одним страхом. Они едут в одном вагоне, в поезде, который не сможет остановиться... пока не привезёт их в ад.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Гончаров

Билет в никуда

Глава 1

«Иногда я веду себя, как дура» – подумала Яна, меланхолично наблюдая за приближавшимся зданием вокзала Ростов-на-Дону.

Таксист южных кровей, недавно разменявший пятый десяток, с кривыми и местами почерневшими зубами, за время в пути успел порядочно осточертеть пассажирке. «Какая вы красивая!», «Может, поужинаем как-нибудь!», «Вот мой телефон, если понадобится такси, звоните! В любое время и в любое место!».

Яна слушала провинциального таксиста, отвечать старалась односложно. Она искренне недоумевала, неужели он не видит, что всей его зарплаты ей не хватит даже на ежемесячный шопинг!

Такси остановилось. Яна сунула шоферу крупную купюру. – Без сдачи, – буркнула, выбираясь на привокзальную площадь.

Таксист выскочил из автомобиля, молнией метнулся к багажнику, аккуратно выгрузил большой красный чемодан на колесиках.

– Я донесу, – заявил он.

– Как-нибудь сама справлюсь, – Яна чувствовала, что ее начинает подташнивать от его внимания. – В ваших услугах больше не нуждаюсь, – взялась за ручку чемодана и покатила его.

Лицо таксиста помрачнело, осунулось. Он моментально постарел лет на десять. Впрочем, туча с его физиономии быстро исчезла. Он не из тех людей, которые долго расстраиваются из-за женщин.

Яна искала свободного носильщика, способного донести чемодан до поезда. Несмотря на наличие колесиков и удобной ручки, она считала самостоятельное перемещение вещей по вокзалу низким, унижительным занятием нищеводов.

Проходившие мимо мужчины и женщины осматривали ее с ног до головы. Женщины с завистью, мужчины с похотью. Этим утром Яна долго выбирала, что надеть. В итоге решила быть дерзкой и пошлой, притягивать взгляды и хоть как-то развлечься. Надела леггинсы «под кожу», лабутены, черную майку-безрукавку с надписью «sexu». Покрутилась перед зеркалом, рассматривая себя. Многие из ее знакомых сказали бы, что она оделась максимально безвкусно и вульгарно. Именно так Яне и хотелось выглядеть в это утро. Впечатлить эту пыльную и душную провинцию. Пышные белокурые волосы она поначалу хотела оставить распущенными, но потом собрала в хвостик.

Вообще Яна не собиралась ехать на поезде, но Ростовский

аэропорт второй день творил чудеса... и не работал. По официальной версии, там второй день подряд закладывали бомбу. А в сети уже поползло столько слухов о настоящих причинах его закрытия, что хватило бы на полноценную книгу.

Можно было дожидаться окончания этого цирка с минированием, но Яна, известная в узких кругах поэтесса, уже не могла находиться в этой жаре, пыли, провинции. В этом Ростове. Подавляющее большинство людей знало её как экс-жену крупного банкира. Да и книги ее стали известны лишь благодаря грандиозным творческим вечерам, которые оплачивал бывший супруг. Яна считала себя талантливой. Что, впрочем, близко к правде, просто в современном мире стихами не заработать. Тем более не заработать на красивую жизнь, к которой она привыкла.

Солнце припекало. Яна любила пожаловаться на летнюю жару в родимой Москве, но даже не предполагала, что люди живут в местах, где бывает жарче в несколько раз. Духота, стоявшая с июля по середину августа – все время пока Яна находилась в городе – так вымотала, что она чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

Мужчина, тащивший большую спортивную сумку, засмотрелся на Яну. Когда он подходил к дверям вокзала, из них появился один из носильщиков. Яна помахала ему рукой. Мужчина с сумкой отчего-то наивно решил, что сексуальная девушка обратила на него внимание. Помахал в ответ. Носильщик, и сам засмотревшийся на Яну, врезался в

мужчину. Последовали недолгие извинения, потом работник вокзала поспешил к клиентке.

Когда красный чемодан оказался на тележке, на парковку вокзала влетел белый «Хаммер». Остановился заокеанский внедорожник на том месте, откуда пару секунд назад отъехало такси.

– Боже мой! – театрально вздохнула Яна. – Его только не хватало! Вези, вези, – махнула носильщику. – Поезд на Москву, тринадцатый вагон, тридцать восьмое место.

Дверь дорогой машины распахнулась. На горячий асфальт выскочил полноватый мужчина сорока лет в белой рубашке и синих брюках.

– Яночка, золотце! – подлетел он к поэтессе. – Куда же ты, драгоценная?!

Яна искоса поглядела на Игоря. Ничего не ответила и направилась за носильщиком.

– Яночка, милая, постой! – бормотал шагавший следом Игорь. – Удостои меня своим драгоценным вниманием! Пожалуйста! Ведь нам есть о чем поговорить! Янусик!

С Игорем Яна познакомилась в Кисловодске, куда ездила поправлять нервы после развода. Вообще она собиралась в Бразилию, но в последний момент решила на что-то необычное.

Бывший муж хотел детей. Было много споров, упреков, разногласий. Три года Яна стойко отбивалась от зачатия. Три года терпела постоянное нытье супруга, но всему приходит

конец. Пришел конец и этому браку. В Кисловодске Яна познакомилась с Игорем, бизнесменом из Ростова. Они вместе гуляли, ходили в горы, ездили на канатной дороге, на экскурсии в Пятигорск и Ессентуки, но объяснение произошло на горе «Кольцо». Именно там Игорь признался, что любил ее с первого взгляда.

Дальше пошло по накатанной. Рестораны, постель, рестораны, отъезд в Ростов, неделя совместной жизни, а потом...

Игорь оказался мало того, что женат, так еще и обременен тремя спиногрызами. Жизнь любовницы, которую он предлагал, Яну категорически не устраивала. Все обещанные им блага не могли заставить остаться молодую поэтессу в провинциальном городе.

Да и какие он мог предложить блага? Квартиру? Она у Яны и так в Москве пустовала. Машину? На подземной парковке пылилась. Творческий рост? В Ростове? Инопланетян в супермаркете больше шансов встретить, чем поэту добиться успеха в провинции.

Яна шагала за носильщиком и обращала внимание на семенившего рядом Игоря не больше, чем на муху. Звонко цокали набойки. Встречные мужчины задерживали на ней взгляды. Одному, молодому блондину с атлетичной фигурой, она улыбнулась. Резкая боль в предплечье заставила остановиться.

– Ты меня не слышишь что ли?! – прокричал Игорь. Люди равнодушно их огибали. Скучающие пассажиры из зала

ожидания наблюдали.

– Слышу, – спокойно ответила Яна. – А теперь посмотрим, услышишь ли ты, – она выждала несколько секунд и закричала. – Отпусти руку, скотина! Тебе только и надо, чтоб я драла тебя фаллосом в задницу. Отстань! Слышишь меня? Отстань, импотент!

Игорь отпустил руку и дикими глазами уставился на потещу. Яна, не теряя ни секунды, поспешила за носильщиком. Ей хотелось смеяться. Смеяться так сильно, как никогда до этого. Смеяться до такой степени, чтоб не было сил на ногах устоять. Яна невероятным усилием сдерживала себя. Лицо Игоря она теперь не забудет никогда. При выходе на перрон даже не в ту сторону пошла, хотя по громкоговорителю как раз и объявляли, что нумерация вагонов начинается с головы состава.

Когда объявление о посадке на поезд до Москвы прозвучало повторно, Яна сообразила, что идет не в ту сторону. Извинилась перед носильщиком и направилась в хвост состава, к последнему, тринадцатому вагону. Носильщик что-то буркнул и поплелся следом.

Возле крайнего тамбура дожидалась пассажиров слегка полная, молодая проводница, с копной рыжих волос. Униформа на ней смотрелась убого, словно с чужого плеча.

«Как клоуна одели», – улыбнулась Яна собственным мыслям.

– Здравствуйте, – улыбнулась в ответ проводница. – До-

кументы? – протянула руку.

Яна замерла и, прищурившись, пристально посмотрела на рыжеволосую. По мнению поэтессы, документы должны проверять как-нибудь потом, но точно не перед вагоном, на тридцатипятиградусной жаре.

– А что, – поинтересовалась Яна, читая бейдж рыжеволосой. – Юлия, позже этого сделать нельзя?

Проводница осмотрела пассажирку в вызывающей одежде, предчувствуя проблемы. Обязательно кто-нибудь выпьет, возомнит себя ловеласом, начнёт к ней приставать, она поднимет крик...

– Проверка документов производится при посадке, – ответила она.

Яна глубоко вдохнула, мол, что взять с этих провинциалов, и полезла в сумочку за паспортом.

Отвращение, которое вызывал поезд, стократно усилилось, после того как Яна поняла всю убогость Ростовского вокзала. Состав стоял на первом пути, и перрон находился почти на уровне колес. Яне пришлось на каблуках взбираться по узкой и неудобной лесенке, чувствуя себя неповоротливой коровой, за которой наблюдает каждый мужчина в пределах видимости. Затем узкий проход, копошащиеся в нем люди, рядом с которыми приходилось протискиваться, касаться, извиняться... Яну передернуло от одной мысли, что придется здесь ехать восемнадцать часов. Она закрыла глаза, три раза глубоко вдохнула-выдохнула и отправилась

искать тридцать восьмое место. Верхняя плацкартная боковушка возле туалета – что может быть хуже? Но Яна легко отнеслась к этому. Все равно ее в вагоне практически не будет. Чутьочку посидит, посмотрит на ненавистный жаркий город, да направится в ресторан. Носильщик загрузил красный чемодан на третью полку.

– Тысяча, – вырвалась у него сумма, которую сам не ожидал.

Поэтесса заплатила в полтора раза больше. Рабочий вокзала поспешно скрылся, ошарашенный собственной наглостью.

Напротив, в отсеке из четырех коек, прощались в усмерть пьяные мужики неприятного вида.

– Помню, помню, я всегда все помню, никогда не забывал, – бормотал один из них, в красной кофте, с клиновидной бородкой и забранными в хвост черными волосами. На его левой руке остались лишь огрызки от мизинца и безымянного пальцев. – Как только приеду, сразу «кину на мыло».

– Тогда мы пошли, – сказал один из приятелей.

– Вино оставьте, – попросил тот, который в красной кофте. – Вы тут сейчас все равно выйдете, еще возьмете...

Один из собутыльников протянул ему недавно початую бутылку дешевого пойла. По очереди они пожалы на прощание руку пассажиру в красной кофте. Пожелали хорошего пути таким тоном, каким и смерти не желают. Пошатываясь, направились к выходу.

Мужчина сделал хороший глоток из бутылки, потом заметил Яну.

– Привет! – улыбнулся противной, пьяной ухмылкой. Потесса отвернулась и принялась рассматривать недавно отстроенное здание вокзала.

По проходу протискивался коренастый парень одного возраста с Яной. Серая майка без рукавов открывала горы мышц на руках, черные джинсы, туфли, голова коротко стрижена под машинку. Где-то Яна его уже видела. Причем не единожды. Перед собой он нес средних размеров спортивную сумку. Добравшись к последнему четырехместному отсеку, кинул заинтересованный взгляд на Яну, затем посмотрел на таблички мест.

– Привет, – поздоровался он с пьяным попутчиком.

– Здравов, здаров, – отозвался длинноволосый сосед в красной кофте. Затем, приложившись к бутылке, сделал два больших глотка.

Парень сел, небрежным движением зашвырнул сумку под сиденье.

– Будешь? – протянул бутылку попутчик.

– Нет, спасибо.

– Что, трезвенник? Или язвенник? – хохотнул мужчина в красной кофте. Он попытался встать, но ударился головой о верхнюю койку. Бутылка вылетела из рук и упала на колени парня. Светлая жидкость, лишь по недоразумению называемая вином, с веселым бульканьем потекла ему на джинсы.

– Твою мать! – парень поставил бутылку на стол, достал из заднего кармана платок и принялся оттирать джинсы. – Руки дырявые что ли?!

– Да не парься, – махнул рукой пьяный попутчик. – Я тебе свои отдам. Знаешь, сколько они стоят?

– Да на фиг мне твои? Нажрался, веди себя нормально!

– А то что? – наклонился вперед мужчина в красной кофете.

– В окно выкину, – ответил парень.

– Ты хоть знаешь, кто я, что заявляешь такое? – не дожидаясь ответа, попутчик ударил себя кулаком в грудь. – Я Егор Белоцерковец!

– И что?

– А ты кто?

– Мишастик, – ответил парень. – И что?

– А! – прищурился Белоцерковец. – Ты этот... как там тебя? Барабанщик «Лейкемии»? Ну и говно вы играете, честно тебе скажу, – тут же сообщил он. – Просто откровенный кал. Любые дворовые пацаны, на вениках, и то лучше сбцают!

Мишастик с трудом подавил желание вырвать клиновидную бородку соседа вместе с нижней челюстью, чтоб лишнего не болтал.

– И название у вас дебилское, – продолжал попутчик, залив глаза и не чувствуя берегов. – Не могли получше придумать? А от ваших прозвищ я вообще в шоке! Мишастик, Бабка, Сив, Тарантул и Мацик.

– Не тарантул, а Паук, – машинально поправил Мишастик. – А тебе я советую сейчас заткнуться и сидеть тихо, а то мы отъехать не успеем, а ты уже в форточку выйдешь.

– Ты что не понял кто я?!

– Да понял я, что ты белогвардеец. Понял.

Белоцерковец схватил со стола бутылку и залпом допил до дна. Отрыгнув, протер рукавом губы.

– Я Егор Белоцер... – он неторопливо, словно в замедленном воспроизведении, завалился набок и захрапел.

– Это что за клоун? – спросил Мишастик у Яны.

– Я знаю одного Егора Белоцерковца, – сказала поэтесса. – Режиссер-неудачник. У него даже такое прозвище есть. Слышала о нем в определенных кругах.

Мишастик усмехнулся и спрятал платок. У джинсов есть шанс, благо вино белое.

По проходу, в сторону последнего четырехместного отсека, продвигался высокий мужчина пятидесяти с лишним лет, в синем спортивном костюме и белых кроссовках. Яна задержала на нем взгляд. Именно таким, в идеале, она видела своего мужа. Взрослый, гладко выбритый, со стрижкой ежиком, со спортивным, упругим телом. И, конечно, при деньгах. К сожалению, по последнему пункту мужчина в синем костюме не проходил. Люди с деньгами в плацкартных вагонах, как правило, не ездят.

Мужчина почувствовал взгляд. Посмотрел на Яну. Улыбка озарила его гладковыбритое лицо.

– А я ваш сосед! – добрые глаза излучали море энергии, а бархатный баритон прекрасно подходил к мужественному облику. – Меня Иосиф зовут, – протянул попутчице руку, чем окончательно завоевал ее расположение. Яна ненавидела предрассудок, согласно которому в России девушкам не полагалось рукопожатие. Она вложила руку в его крепкую ладонь.

– Яна, – представилась московская поэтесса.

– Приятно познакомиться, – слегка склонил голову Иосиф. Повернулся к ударнику известной рок-группы. – Здравствуйте, – поздоровался и с ним.

– Здравсьте, здравсьте, – ответил барабанщик.

Мишастик достал из сумки книгу в цветастой обложке и одним прыжком оказался на верхней полке.

– Вы даже не представляете, как мне приятно! – Иосиф убрал сумку под сиденье и присел напротив. – Нечасто в поезде такие восхитительные попутчики попадают. Ой, как нечасто!

– А вы много ездите? – поинтересовалась Яна. Хоть Иосиф и годился ей в отцы, своего влечения к этому человеку она перебороть не могла.

– Приходится, – признался он. – Ненавижу поезда, но ездить на них все же доводится часто.

– И я терпеть не могу, – неожиданно для себя призналась поэтесса.

– Естественно! – деланно возмутился Иосиф. – Как может

такая замечательная девушка ездить на этом убогом транспорте?! Вас на руках должны носить, причем, не отпуская ни на секунду, а то мигом уведут!

– Никто меня не уведет, если сама не захочу! – улыбнулась Яна.

– Так и я о том же! – мигом нашелся Иосиф. – Что такой королеве подходит только король, а королей сейчас очень, очень мало.

– Не на себя ли вы...

– Да что вы, – махнул рукой Иосиф. – Какой из меня король?! Я всего лишь обычный альпинист.

– Вау, – выдохнула Яна. – Так вы по горам лазаете?

Теперь Иосиф ее всерьез заинтересовал. Как любой творческий человек, она тянулась к людям нестандартных профессий, чьи образы потом можно использовать в творчестве.

– В последнее время уже редко, – вздохнул альпинист. – Здоровье не позволяет брать серьёзные маршруты, а мелочь... – махнул рукой. – Но вот учить я могу, чем собственно и занимаюсь.

– Так вы тренер? – Яна когда-нибудь, в далеком и необозримом будущем, собиралась написать роман, правда еще сама не знала о чем. С течением времени, в зависимости от того, какой профессии ей попадался человек, менялся и центральный персонаж. Сегодня она решила, что сделает покорителя вершин главным героем.

– Да, – кивнул Иосиф. – Занимаюсь...

– Фу-у-у-у-у-х! – послышался глубокий выдох у альпиниста над ухом. – Здравствуйте, – поздоровался низкий и пухлый, словно Винни-Пух, мужчина лет шестидесяти с огромной фиолетовой шишкой на подбородке. – Меня Эдуардом Эдуардовичем зовут. Простите, прилягу. – Он поставил маленькую спортивную сумку на пол, вторая, кожаная, куда ничего кроме бумаг вместиться не могло, соскользнула с плеча и приземлилась рядом. Он почти упал своей необъятной массой на нижнюю полку, под Мишастиком. Толстое пузо курганом застыло над телом. Полы пиджака разметались, открыв взору потные подмышки. – Как я устал! Бог ты мой! – пробормотал он. – Еле успел. Ф-у-у-у-у-х!

Поглядев на вспотевшего Эдуарда Эдуардовича, Иосиф вспомнил, что ему собственно тоже далеко не холодно. Он немного расстегнул молнию на олимпийке. Полностью не мог – под ней ничего нет. Единственную майку, которую брал в поездку к брату, растерзала его собака. Другую Иосиф попросить постеснялся. Да и не подошла бы на его спортивное тело майка маленького, пузатого как бочка, брата.

Альпинист поглядел на Яну. Попутчица не отрывала взгляда от узкого прохода между коек. Иосиф повернулся. К ним в отсек пробирался маленького роста щупленький мужичок в толстых роговых очках и заношенном коричневом костюме, из-под которого выглядывала такая же древняя коричневая рубашка. На ногах потрепанные кроссовки. Перед собой мужичок нес тощую спортивную сумку. Его точный

возраст никому из пассажиров определить не удалось. Мужичку могло быть, как тридцать пять, так и все пятьдесят. Шрам на нижней губе делал его похожим на тихого, но невероятно опасного преступника. Как Чикатило.

Мужчина подошел к последнему четырехместному отсеку, сверился с билетом.

– Вы заняли мое место, – ворчливо произнес он, уставившись на Эдуарда Эдуардовича.

– Подожди, – тронул его за рукав Иосиф. – Человек запыхался. Устал. Хочешь, присаживайся, – поднялся, уступая сиденье.

Мужчина поглядел на Иосифа мутными, словно две лужи, глазами.

– Я не хочу присаживаться сюда, – взвизгнул он. – Я собираюсь сесть на место, которое купил!

Мишастик оторвался от книги и свесился посмотреть на нового попутчика.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Эдуард Эдуардович.

– Ты не можешь пока здесь посидеть? Освободят тебе твое место, – альпинист попытался урезонить спутника.

– Я сказал, что буду сидеть на том месте, которое купил! – он так хлопнул по столику ладонью с зажатым в ней билетом, что стекло вагона содрогнулось. Когда убрал руку, Иосиф с Яной прочли на билете фамилию – Каннибалов.

– Встаю-встаю, – Эдуард Эдуардович тяжело поднялся, подобрал сумку. Белки его глаз резко контрастировали с

красным, как Кремлевская стена, лицом.

Стоило Эдуарду Эдуардовичу встать с койки, Канниба-лов сразу схватил билет и забился в угол, к самому окну. Сумку поставил под ноги, словно там пара слитков золота и несколько пачек с крупными купюрами.

Мишастик вернулся к чтению книги, а Иосиф сел на место.

– Чокнутый, – прошептала поэтесса.

– Точнее и не скажешь, – кивнул Иосиф.

Эдуард Эдуардович с минуту потоптался на месте. Закинул сумку на третью полку, стал одной ногой на столик, за-скрипевший от такого веса. Кряхтя, будто стокилограммовую штангу поднимал, с огромным трудом забрался на куп-ленное место.

– Поезд отправляется, – донесся из прохода голос провод-ницы Юлии. – Просьба провожающих покинуть вагоны! – заглянула в последний отсек, зацепилась взглядом за разва-лившегося на койке Белоцерковца. – Уважаемые провожаю-щие, – повторила, шагая к выходу и осматривая отсеки. – По-езд отправляется. Убедительная просьба покинуть состав!

Спустя несколько минут грохнула сцепка. Едва заметно вокзал начал двигаться, провожающие замахали руками, полетели воздушные поцелуи. Состав набирал скорость, вскоре исчез перрон, в соседних отсеках зашуршали пакеты, заши-пел газ из открываемых бутылок. Моментально вагон напол-нился запахами еды. Мимо последнего отсека начали курси-

ровать женщины. Они толпились в очереди перед туалетом, чтоб переодеться в домашние халатики и пижамы.

– Тронулись, – через десять минут после отправления сказал Иосиф. – В добрый час.

– В добрый, – ответила Яна.

* * *

Белоцерковец храпел на весь вагон, изредка разбавляя эти звуки задорным бульканьем. Прошла проводница, еще раз сверила электронные билеты. У режиссера бумажный билет торчал из кармана джинс, и так как он вряд ли б отреагировал даже на атомный взрыв, Юлия вытащила билет, оторвала нужную часть.

Когда запах еды рассеялся, а некоторые начали стелить постели, якобы лечь, а по сути, чтоб на их месте не сидели, Эдуард Эдуардович достал из сумки внушительную курицу-гриль – еще горячую, в термопакете, три упаковки сока, помидоры, одноразовые столовые приборы, хлеб, соль, грузинскую аджику, огурцы. Заметно опустевшую сумку вернул под койку.

– Присаживайтесь, – позвал всех. – Поесть я люблю. И покормить других тоже люблю!

Умопомрачительный запах курицы убедил не только мужчин поесть мяса, но даже Яна соблазнилась. Белоцерковца, совместными усилиями, переложили ближе к стенке, а ря-

дом разместились Эдуард Эдуардович и Иосиф. Яна с Каннибаловым и Мишастиком сидели на противоположной койке.

Поначалу все усиленно жевали, но позже, когда животы заурчали, перерабатывая еду, медленно, но верно, завязался разговор, в котором не участвовал лишь Каннибалов.

Каждый начал беседу на волнующую его тему. Так Иосиф поведал об упадке в спорте. Мол, его не финансируют, не развивают. Припомнил юность, когда занимался альпинизмом, то все выезды, все снаряжение ему оплачивало советское государство, а сейчас занятие альпинизмом своим чадам могут позволить лишь хорошо обеспеченные родители.

Яна перехватила инициативу и завела речь об упадке в культурной области. Сказала, что, будучи поэтессой и членом Союза Писателей, два первых сборника стихов ей пришлось публиковать за свой счет, лишь третий согласилось выпустить мизерным тиражом одно крохотное издательство. По ее словам стихи нужны только поэтам, а это говорит об огромной яме в культуре России.

Когда она договорила, проснулся Белоцерковец. Поднялся на локте, мутным взором осмотрел попутчиков.

– Зайцы переростки, – буркнул режиссер. Тут же завалился и вновь заснул.

Мишастик заспорил с Яной, доказывая, что культура никуда не делась, просто перетекла в другое русло. Пока они спорили, Эдуард Эдуардович жаловался Иосифу на бюро-

кратию, забившую, словно сошедший сель, все отверстия управленцев. Лишь Каннибалов не сказал ни слова. Он успевал послушать Мишастика и возражения Яны, одновременно вникая, на что жалуется Эдуард Эдуардович.

Обе дискуссии закончились одновременно, будто по команде. Четыре пары глаз остановились на Каннибалове.

«Начинается?!» – горько подумал он. Ситуация требовала, чтоб Каннибалов что-то сказал, но не мог придумать ни слова. На помощь пришла ситуация.

У Яны в сумочке зазвонил телефон. Женский аксессуар остался на боковом сиденье. Поднимаясь, она стукнулась, как недавно Белоцерковец, головой о верхнюю койку.

– Ненавижу поезда! – поэтесса потеряла макушку. Подошла к сиденью, достала из сумочки мобильник. Все мужчины, пусть и ненадолго, задержали взгляды на попутчице, а в особенности на ее притягательной попке.

– Я тоже не собирался ехать на поезде, – Иосиф с трудом оторвал взгляд. – Думал на самолете. Так вот, сейчас бы уже к Москве подлетал.

– Мы, вероятно, на одном рейсе намеревались лететь, – подтвердил Мишастик. – Что это за засада с аэропортом? Никогда о таком не слышал!

– И я собиралась лететь! – Яна убрала мобильник в сумочку. – Ну, а вы? – присела на место, посмотрела на мужчину в очках. – Вы все молчите и молчите. А чем вы занимаетесь?

Каннибалов глубоко вдохнул, поправил тяжелые очки, по-

жевал губами.

– Каннибалов Василий Петрович, – представился он. – Несмотря на такую оригинальную фамилию, я всего лишь педиатр тридцать седьмой детской больницы Ростова-на-Дону.

– А это где? – одновременно спросили Мишастик с Эдуардом Эдуардовичем.

Мишастик, вместе с остальными участниками «Лейкемии», лишь несколько лет назад переехал из «Папы» в Москву, а Эдуард Эдуардович всю жизнь прожил в Ростове.

– В центре, – сказал Каннибалов, лихорадочно придумывая, как выйти из сложившейся ситуации.

Помог, как всегда, случай. В отсек вошла Юлия.

– Чай? Снеки? – предложила проводница.

Глава 2

Белоцерковец проснулся, когда солнце за окнами уверенно ползло в зенит. Тело налилось свинцом, голова гудела, а во рту пустыня, хоть кактусы сажай. Попытался встать, но организм, ослабленный недельным запоем, отреагировал отрицательно – появились рвотные позывы, а в голове, будто атомная бомба взорвалась. Режиссер несколько минут лежал с закрытыми глазами и пытался вспомнить цепь событий, приведшую его в поезд.

Он помнил, как приехал десять дней назад в Ростов по заказу «Первого» канала. Ему поручили снять документальный фильм с рабочим названием «Партизаны Великой Отечественной», для которого он и поехал собирать материал. Помнил, как отправился к Виктору Бровкину, ветерану ВОВ. Помнил его долгие и нудные рассказы о войне. Помнил, как вышел из дореволюционного здания и зашел в ближайшую забегаловку, выпить холодного пивка, чтоб хоть как-то избавиться от невыносимой ростовской жары. Помнил, как осушил первый бокал, а дальше... Все смешивалось в переплетении лиц, квартир, бутылок.

Он ощупал полку. Сумки нет. Пересилив тошноту и превозмогая головную боль, опустил голову и посмотрел под койку. Ничего. Чистый коричневый пол.

– Бли-и-и-н! – Белоцерковец откинулся на койку и закрыл

глаза. Проверил карманы, где ничего кроме паспорта, билета и двухсот рублей не оказалось. – Бли-и-и-н! – заключил он.

Одежда, вещи, фотоаппарат, телефон, диктофон, записи, командировочные и прочие ценные вещи пропали. Режиссер хлопнул себя рукой по лбу. Голова отозвалась звоном в ушах и тупой пульсирующей болью. Он встал, поморщился от молоточков, застучавших в виски, мутными глазами оглядел спавших попутчиков. Затем отправился к проводнице. Режиссер шел мимо пустых коек с неубранным бельем и не мог вспомнить, как оказался в поезде. Ведь поклялся не ездить на этом изобретении дьявола с того дня, как брат-близнец погиб под колесами тепловоза.

Белоцерковец добрел к приоткрытому купе проводницы. Слева находился «титан» с кипятком. Режиссер готов был его осушить до дна. Он постучал в приоткрытую дверь. Сразу заглянул. Проводница лежала на левом боку. Из приоткрытого рта доносился тихий храп.

– Ау! – еще раз постучал режиссер.

Проводница крепко спала.

– Ау-у-у-у! – сильнее постучал пассажир.

Безрезультатно.

– Не, ну ты че?! – Белоцерковец ногой затарабанил в дверь. – Я тут стою, напрягаюсь, а она дрыхнет, как кот, объевшийся сметаны! Подъем, тетя!

Юлия проснулась, поморгала слипшимися глазами.

– Тебе чег... Что вам? – поправилась она.

– Вода есть?

– Там, – указала Юлия на «титан».

– Тогда стакан дайте.

– Стаканы идут... – Юлия широко зевнула. – Идут вместе с чаем... – ее взгляд упал на телефон, где заставкой стояли часы. Стоило ей взглянуть на время, сон как рукой сняло. Восемь тридцать утра. Час назад было прибытие в Москву, однако поезд до сих пор ехал.

Юлия вскочила, будто койка превратилась в сковороду. Белоцерковец едва успел отшатнуться, когда проводница вихрем пронеслась в вагон. Добежав до второго четырехместного отсека, она остановилась, будто перед непреодолимой стеной.

Белоцерковец прикинул, что если купит стакан чая, то не хватит на пачку сигарет, зажигалку и метро.

– Да дайте стакан, – начал он. – Что вам жалко, что ли? Съем я его, что ли? Я просто попью воды!

Юлия застыла посреди прохода, словно статуя. Даже покачиваний поезда не замечала, превратившись с ним в одно целое.

– Да дай стакан, мать твою! – Белоцерковец дал волю похмелью.

В проходе появилась голова Мишастика. Он дважды хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

– Ты чего орешь? – рыкнул барабанщик.

Режиссер смутно припоминал, что накануне с этим типом

произошел какой-то скандал, но забыл из-за чего.

– Дайте стакан, пожалуйста! – существенно сбавив тон, повторил он.

Юлия медленно повернулась.

– Где все? – на пределе слышимости спросила она.

Только теперь Белоцерковец обратил внимание, что койки пусты.

– Вышли наверно, – пожал плечами. – А куда им еще деваться-то?

Юлия посмотрела на него, как на мамонта.

– Куда вышли? – прошептала она.

– Как куда?! – не понял Белоцерковец. – Туда! – указал на пролетавшие за окном деревья. – Стакан дадите?

– Вы разве не понимаете, что без меня они выйти не могли?!

– Да чхать я хотел, – вновь дал волю похмелью Белоцерковец. – Могли они выйти или не могли! Какая мне на хер разница?! Дай стакан, чума болотная!

Мишастик как раз соскочил с койки, обулся, когда услышал требование Белоцерковца.

– Слышь, ты, – крикнул он режиссеру-неудачнику. – Как там тебя? Белогвардеец? Так вот, Белогвардеец, если я еще раз услышу от тебя такие слова в сторону девушки, то размажу твой фейс по тейблу. Я достаточно ясно выразился?

Белоцерковец зыркнул на барабанщика. Как Мишастик и ожидал, режиссер отвел взгляд.

– Что за шум, а драки нет? – Иосиф приподнялся на локте, выглянул с боковушки в проход. – Чего ругаемся, мужики?

Яна давно не спала, первый же выкрик Белоцерковца разбудил ее. Блаженный сон, с которым она боролась до четырех утра, не желая прикоснуться к простыням, ушел вместе с приятными сновидениями.

– Да так, – ответил Мишастик. – Жизни кое-кого пришлось поучить.

Белоцерковец, несмотря на расстояние и мерный перестук колес, расслышал слова рокера. Ответить побоялся. Страх сковал горло ледяной цепью. Сковал так, что даже пить перехотелось.

– Молодежь, – буркнул с верхней койки Эдуард Эдуардович. Закряхтев, перевернулся на другой бок.

– Дайте, пожалуйста, стакан, – тихо-тихо, на пределе слышимости, повторил просьбу Белоцерковец.

Юлия чуть отошла от шока. Естественно, все пассажиры вышли. Не инопланетяне же их похитили, в конце-то концов?! Осталось выяснить, как это произошло без ее ведома. Она глянула на Белоцерковца, встретила его заискивающий взгляд.

– Сейчас, – сказала проводница.

Спустя десять секунд режиссер держал в руках вожденный стакан. Подскочив к «титану», набрал кипятка до краев. Быстро понял, что погорячился – стакан обжигал. Пришлось войти в первый четырехместный отсек и поставить его на

столик. Присев на расстеленную койку, он принялся дуть на воду.

В этот момент донесся возглас Иосифа:

– А где все?!

– Сама хотела бы знать, – ответила Юлия застывшему посреди вагона пассажиру. – Вышли наверно.

– Наверно? – переспросил Иосиф, секунду помолчал и, улыбнувшись, добавил. – А я уж думал, что приехали, а нас разбудить забыли.

– А мы уже час как должны были приехать, – донесся голос Эдуарда Эдуардовича. – Хотя у меня и часы могут неправильно идти...

Яна и Мишастик наперегонки полезли за телефонами. Первым успел рокер.

– На моих восемь тридцать пять, – сказал он.

Иосиф поглядел на Яну. Поэтесса кивнула.

– Нас что здесь, забыли? – посмотрел на проводницу альпинист. – И куда мы теперь едем?

– Сейчас все узнаю! – пообещала Юлия и поспешила к бригадиру поезда.

Мишастик прошел в соседний четырехместный отсек, присел на расстеленную постель. На столе осталась засохшая лужа чего-то липкого. Барабанщик осторожно облокотился на столик, чтобы в нее не вляпаться. Прильнул к окну. Всмотривался в проносившиеся мимо деревья, поля, деревни. Поезд промчался через автомобильный переезд, где

в ожидании застыла белая «Газелька». Затем мимо пронеслась деревня, где ударник заметил магазин с покосившейся вывеской «Наталья», а по дороге ехал синий трактор.

– И куда нас, интересно, несет? – Мишастик снова глянул время на телефоне. Он обратил внимание, что хоть они и проезжали мимо населенного пункта, на дисплее, вместо названия оператора, висела надпись «нет сети». Пока барабанщик не увидел в этом ничего странного. По роду деятельности он много разъезжал по стране и СНГ. Такая надпись в поездках не редкость.

Мишастик поднялся и прошел по вагону. Во всех отсеках рокер видел лишь расстеленные кровати. Ни одной вещи пассажиры поезда не оставили. Даже мусора. Тогда барабанщик вернулся. Открыл дверь, вошел в узенький коридор, где расположились мусорные шкафы и туалеты. Там дождалась очереди Яна. Она сменила туфли на мокасины, отчего стала ниже ростом.

На обоих туалетах, рядом с ручкой, застыл красный квадратик.

– Кто последний? – спросил Мишастик.

Яна деланно покрутила головой.

– Да за мной тут еще семь человек занимали, но их что-то нет. Придерживайтесь меня, – улыбнулась поэтесса. Щелкнул замок, из правого туалета вышел Иосиф. Он бросил кривой взгляд на Мишастика и отправился в жилую часть вагона. Там остался лишь Каннибалов, который просто лежал и

смотрел в койку над собой. Белоцерковец продолжал штурмовать «титан», Юлия еще не вернулась, а Эдуарду Эдуардовичу, по правилам логики, полагалось находиться во втором туалете.

Яна скрылась в туалете, барабанщик остался в одиночестве. Попытался что-нибудь рассмотреть в мутном окне над мусорными ящиками, но ничего, кроме бледного диска поднимающегося солнца, не увидел. Щелкнул замок левого туалета. Вышел Эдуард Эдуардович. Его шишка сильнее пофилетовела, а толстые пальцы безостановочно тыкали в телефон. Столкнувшись с Мишастиком, он поглядел на ударника, словно в первый раз увидел.

– Я ничего не понимаю! Связи нет и баста! – Эдуард Эдуардович поднес к лицу барабанщика телефон, где вместо названия оператора высвечивалась надпись «Нет сети».

– Просто едем в месте, где нет связи, – пожал плечами Мишастик. – У меня такое частенько бывает.

– Да я-то понимаю, что бывает, – инженер почесал затылок. – Но не так же долго?

– Значит, так заехали, – Мишастик с трудом обогнул тучного Эдуарда Эдуардовича. Юркнул в туалет.

Эдуард Эдуардович еще немного постоял, вода телефоном из стороны в сторону. Затем вернулся в свой четырехместный отсек, где по-прежнему лежал Каннибалов, а Иосиф копался в сумке.

– Так вот, какая-то странная ситуация, – не унимался Эду-

ард Эдуардович. – Долго почему-то связи нет.

Ему никто не ответил. В отсек вернулся Белоцерковец, поставил на стол стакан с кипятком, зашипел, замахал рукой.

– Что-то не похож вид за окном на Подмоскovie, – Иосиф нашел в сумке кнопочный телефон и ждал, пока тот включится. Белоцерковец с Эдуардом Эдуардовичем посмотрели в окно, где плотной стеной высились тополя. С другой стороны поезда они увидели тот же вид.

– Нормальная картина, – буркнул Белоцерковец. – Посмотри, на какой мы скорости мчим. Возможно, уже и до Воронежа недалеко.

Иосиф поглядел на режиссера, но ответить не успел. В вагон вбежала Юлия. Пробегая мимо туалетов, чуть не сбила с ног Мишастика с Яной, вышедших одновременно. Остановившись в последнем четырехместном отсеке, проводница посчитала всех глазами.

– Все здесь? – она дышала тяжело, точно загнанная лошадь. – Я... Я была у... бригадира...

– И? – не вытерпел Иосиф.

– Поезд пустой... – немного продышалась Юлия. – Никого нет. Ни вещей, ни людей. С машинистами я также связаться не смогла. Они не выходят на связь. Потом я подергала все встреченные стоп-краны...

Все разом посмотрели в окно. Поезд продолжал, как ни в чем не бывало, мчаться. Деревья мелькали с такой быстротой, что рябило в глазах...

...лишь Каннибалов безмятежно глядел в верхнюю койку.

Глава 3

– Я понятия не имею, что произошло! – проводница сходила в собственное купе, вернулась. – На мобильнике нет сети. Машинисты не отвечают... стоп-краны не работают, и никого нет... Я даже не слышала о таком! – Юлия держала в руках бесполезный телефон.

Иосиф собрал кровать, поэтесса присела за столик. В горизонтальной позе остался лишь Каннибалов. Мишастик, Эдуард Эдуардович и Белоцерковец сидели на противоположной койке. Режиссер отхлебывал кипяток из стакана. Юлия осталась стоять.

– А почему мы через интернет не попытались с кем-нибудь связаться?! – загорелись глаза Яны.

– Какой еще интернет?! – хмыкнул барабанщик. – Если нет связи, как интернет будет ловить? – задал риторический и очевидный для всех вопрос.

Почти для всех очевидный.

Яна достала телефон, потыкала в сенсорный дисплей, после долго-долго на него смотрела. Остальные наблюдали за поэтессой.

– Не-а, – отозвалась Яна. – Не «грузит».

– Что и требовалось доказать, – пожал плечами Мишастик. – По ходу в этом поезде установлена «глушилка». Только зачем?

– Так вот, я тоже об этом подумал, – согласился Эдуард Эдуардович. – Причем в первую очередь. Но странно: зачем?

– Реалити-шоу снимают, – предложил версию Белоцерковец. – А что, удачная компания собралась. Может, нас именно специально собрали здесь вместе? Я вот, например, даже не помню, как оказался в этом поезде...

– Это и неудивительно, – усмехнулся рокер.

Белоцерковец не обратил внимания на барабанщика, продолжил:

– ...а получается-то интересная картина. Вот вы, – обратился к Эдуарду Эдуардовичу, на секунду «зацепился» глазами за шишку на подбородке, но в следующую секунду брезгливо отвел взгляд. – Кто по специальности?

– Инженер-проектировщик, – ответил Эдуард Эдуардович. – Дома высотные проектирую.

– Вот! – Белоцерковец подвел никому не видимый итог. – А я известный режиссер! А вы? – спросил одновременно Иосифа и Яну.

– Мастер спорта. Альпинист, – буркнул Иосиф.

– Поэтесса, – ответила Яна.

– Ну, а ты? – спросил Белоцерковец у Мишастика.

– «Лейкемию» знаешь?

– Болезнь или группу? – в свою очередь поинтересовался режиссер.

– Группу, конечно, – дважды хлопнул в ладоши барабанщик.

Тут-то Белоцерковец моментально понял, где видел этого человека. Его лицо частенько попадало в объектив телекамер. Да и двойной хлопок в ладоши тоже был узнаваем – на концертах песни «Лейкемии» частенько начинались с хлопков барабанщика, за которыми следовал гитарный рифф.

– А чего ты на поезде?! – первое, что вырвалось у режиссера.

– Да я как-то не собирался, – пожал плечами барабанщик. – Но пришлось.

– А вот проводница меня настораживает, – сменил тему разговора Белоцерковец. – Наверняка она должна следить за порядком и предохранять нас от всевозможных... от любых противоправных действий на железной дороге. А она стоит тут, с нами, и делает вид, что ничего не знает.

Глаза Юлии округлились.

– Что ты несешь?! – она побледнела и моментально забыла о правилах приличия, рабочем этикете. – Какие нафиг противоправные действия? Ты что вообще полоумный? Поезд пустой и несется бог знает куда, с машинистами связи нет, а он про...

– Прекращайте придумывать, – громко произнесла Яна, глядя на Белоцерковца. – Вряд ли кто-то из нас представляет интерес для какого-либо реалити-шоу. Вы уж точно никакого. Поверьте, знаю. Я, между прочим, тоже не представляю интереса. Единственный, кто хоть немного будет интересен, так это он, – указала на Мишастика. – И то, я думаю, что

для подобного ток-шоу выбрали б вокалистку, на худой конец гитариста, но никак не ударника.

– Я попробую еще раз связаться с машинистами, – рыкнула проводница, направившись к выходу из вагона.

– Я с тобой! – вскочил Белоцерковец и тут же сел, стукнувшись макушкой о верхнюю полку. – Чёрт! – потер голову. – Понаделают тут...

Юлия остановилась. С закрытыми глазами сжала-разжала кулаки. Несколько раз глубоко вдохнула.

– Ну, пойдём, – выдавила она.

Белоцерковец выбрался из-за столика, последовал за Юлией в вагон, где ехал бригадир поезда.

– Так вот, – сказал Эдуард Эдуардович после затянувшейся паузы. – У кого какие предложения? Что делать-то будем?

– Я, наверно, схожу в вагон-ресторан, – сказал Мишастик. – Живот чего-то с голодухи бурчит, да и выпить в таком состоянии немного не помешает. Нервы успокоить.

– Вот, молодой человек! – Эдуард Эдуардович с неожиданной резвостью вскочил с койки и, приобняв рок-музыканта за плечи, повел к выходу из вагона. – Выпить точно не помешает и даже будет... – закрылась за ними дверь.

Яна с Иосифом смотрели им вслед, пока не закрылись двери, отделяющие нерабочий тамбур от коротенького коридорчика перед туалетом.

– Пить я точно не хочу, – прервал молчание Иосиф.

– И я не любительница, – призналась Яна. – Но может там

есть что-то поесть?

– Сомневаюсь, – ответил Иосиф. – Скорее всего, вагон-ресторан отцепили, когда мы спали. Или, по крайней мере, там уже нет ничего ценного.

– Вы все-таки думаете, что нас здесь забыли?

– В реалити-шоу я точно не верю! – хмыкнул Иосиф. – Скорее поверю, что инопланетяне перенесли нас на другую планету, нежели, мы в каком-нибудь реалити-шоу. Представь, сколько они должны нам потом заплатить, чтоб мы не подали на них в суд? Разве кто-нибудь пойдет на такой риск, когда в той же Москве тысячи людей готовы на все, ради того, чтобы прославиться?

– Знаете, – всерьез призадумалась Яна. – В этой жизни хватает ненормальных. А с некоторых пор я считаю, что вообще, в принципе, возможно все.

– Не буду разубеждать, – Иосиф жестом остановил дальнейшие размышления Яны. – Предлагаю все же сходить в вагон-ресторан. В конце концов, мы все равно ничего не теряем?!

Он встал и подал руку Яне. Поэтесса с вежливой улыбкой приняла приглашение.

* * *

Каннибалов не мог дождаться, когда вагон опустеет. Наконец пьянчуга с толстой стюардессой скрылись. Шансы воз-

росли. Затем и шишастый увел говнаря бухать. Каннибалов пару раз глянул на старого Дон Жуана и молодую поблядушку – последнюю преграду на пути к цели. Они словно почувствовали его мысленный призыв и тоже ушли.

Когда двери за ними закрылись, Каннибалов полежал несколько минут. Затем поднялся. Поправил очки.

– Эй, есть кто живой? – крикнул во всю глотку. – Пожар! Горим!

Ответом ему стал равномерный стук колес. Тогда Каннибалов поднялся и прошел к третьему с конца поезда четырехместному отсеку. Там лег в разложенную постель. Зарывшись лицом в простынь, вдохнул полной грудью. Белье, к сожалению, не сохранило тепла, но неповторимый, сладкий и опьяняющий, запах тела остался. Каннибалов долго лежал и вдыхал полной грудью этот невообразимый аромат. Вдыхал, пока избыток кислорода не опьянил и глаза сами собой не закрылись. В грезах, словно наяву, Каннибалов видел, как молоденькая брюнетка, которая ехала на этом месте, спустила с него штаны, погладила яички, а потом...

* * *

Эдуард Эдуардович с Мишастиком нашли на кухне вагона-ресторана пюре с сосисками комнатной температуры. Блюда приготовили к выносу, но так и не успели это сделать. Пока Мишастик относил еду на стол, Эдуард Эдуардович вы-

брал в баре дорогой коньяк. Взял столовые принадлежности, лимон. Хотел поискать коньячные бокалы, но потом плюнул на это дело и взял первые попавшиеся рюмки. Вместе со всем этим присоединился к барабанщику. Они успели выпить, когда с одного конца вагона появились Белоцерковец с Юлией, а с другого Иосиф с Яной. Шишка Эдуарда Эдуардовича моментально налилась кровью, стала почти чёрной, отталкивающей.

– Так вот, между первой и второй перерывчик небольшой! – инженер наполнил рюмки темно-коричневой жидкостью.

Эдуард Эдуардович с Мишастиком выпили.

– И я не прочь присоединиться на дармовой коньяк! – подошел Белоцерковец. – У нас ситуация просто швах! – махнул рукой, точно рубил человека. – Стоп-краны не работают, состав мчится, никто не отвечает...

Мишастик искоса глянул него, но в следующую секунду с самой добродушной улыбкой махнул на свой диван.

– Садись! – дважды хлопнул в ладоши. – Только за посудой себе вначале сгоняй!

– А можно и нам? – поинтересовался Иосиф.

– Конечно-конечно! – сказал Эдуард Эдуардович. – Присаживайтесь! И ты, красавица, присаживайся, – пригласил задумчивую Юлию. – Так вот, кстати, как сходили?

Проводница опустилась на диван к рокеру, облокотилась на стол, обхватила голову руками.

– Я не понимаю, что происходит! – прошептала, но никто не обратил внимания. – Так не бывает! Такое чувство, что мы в поезде-призраке!

На мгновение повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь стуком колес. Люди замерли, скрестив взгляды на Юлии.

– Типун тебе на язык, – прошептал Иосиф.

Он присел рядом с Эдуардом Эдуардовичем. Подвинулся, чтобы могла втиснуться и Яна. Втроем на диванчике было тесно, но терпимо. Вернулся Белоцерковец с рюмкой, оглядел стол.

– Подвинься, – попросил проводницу. Когда она выполнила просьбу, примостился на освободившуюся часть диванчика.

– Наливай! – залихватски махнул рукой режиссер.

Мишастик наполнил коричневой жидкостью три рюмки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.